

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАЗВИТИЕ

Е.Н. Глазунова*

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ «УСТОЙЧИВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Современная девелопменталистика оперирует множеством похожих терминов, которые зачастую употребляются довольно беспорядочно. В то время как термин «устойчивое развитие», прочно утвердившись в теории и политике, стал практически инвариантным, содержательное наполнение понятия «безопасность» до сих пор отличается многообразием. В паре с «устойчивым развитием» можно увидеть и «экологическую безопасность», и «человеческую безопасность», и, наконец, «устойчивую безопасность». Исходя из базового тезиса о неразрывности связки «безопасность — развитие», автор статьи пытается проследить видоизменение ее первого компонента. Анализ содержания концептов, оформившихся в науке в последние три десятилетия (начиная с появления парадигмы «устойчивого развития» и до сегодняшнего дня), позволяет проследить процесс становления одного из самых молодых понятий современной девелопменталистики — «устойчивая безопасность». В статье показано, как на начальном этапе оформления концепта «устойчивое развитие» базовый нексус характеризовался диадой «устойчивое развитие — безопасность окружающей среды». В конце последней декады XX столетия появилось новое измерение «связки» — «человеческая безопасность — устойчивое развитие». Однако процесс его концептуализации был нарушен так называемой секьюритизацией развития. Ответом девелопменталистского сообщества на секьюритизацию стала концепция «устойчивой безопасности». Характеризуя ее основные параметры, автор вместе с тем подчеркивает,

* Глазунова Елена Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elenanglazunova@mail.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 15-18-30066.

что единого и целостного подхода к ее интерпретации в западном девелопменталистском сообществе до сих пор не сформировалось.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивая безопасность, связка «безопасность — развитие», секьюритизация развития, экологическая безопасность, человеческая безопасность, изменение климата, природные ресурсы, неравенство, бедность, глобализация, насилие, конфликты.

Термин «устойчивое развитие», появившийся более 40 лет назад и поначалу воспринимавшийся российскими специалистами скорее скептически ввиду невнятности самого понятия «устойчивость» (в значительной степени в силу сложности его перевода с английского языка), тем не менее постепенно прижился и занял видное место в лексиконе как ученых, так и политиков. Он присутствует в наиболее важных российских доктринальных документах, среди которых в первую очередь следует упомянуть Стратегию национальной безопасности Российской Федерации¹. В последние полтора десятилетия в академическом дискурсе и политической риторике термин «устойчивое развитие» все чаще появляется в паре с термином «устойчивая безопасность» [Рощина и др., 2012]. Еще один распространенный вариант его употребления — «устойчивое и безопасное развитие» — вообще стал своеобразным шаблоном, используемым скорее для краткости. Слияние этих понятий произошло так незаметно и естественно, что «устойчивое развитие» (sustainable development) и «устойчивая безопасность» (sustainable security) стали восприниматься либо полными, либо — в лучшем случае — идеографическими синонимами. Такое отождествление понятий, вполне допустимое в политическом лексиконе, с точки зрения международно-политической теории, очевидно, нуждается в пояснении.

Понятие «устойчивая безопасность» — одно из самых молодых среди наиболее значимых концептов современной девелопменталистики. Оно появилось значительно позднее термина «устойчивое развитие» — в рамках эволюции проблематики связки «безопасность — развитие», которая в последние полтора-два десятилетия стала одним из излюбленных в девелопменталистике сюжетов. В XXI в. это понятие осмыслялось в отдельных научных исследованиях [Khagram et al., 2003], докладах Оксфордской исследовательской группы (ОИГ; Oxford Research Group, ORG)

¹ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 26.10.2018).

[Abbott et al., 2006; Rogers, 2010], Центра за американский прогресс [Smith, 2008]. В текущем десятилетии в США также вышло несколько интересных книг и аналитических докладов, авторы которых активно оперируют терминами «устойчивое развитие» и «устойчивая безопасность» [Mr. Y, 2011; Mynkleby et al., 2016; Suri, Valentino, 2016]. Лейтмотивом этих работ служат утверждение о том, что «безопасность — это больше, чем оборона», и признание экологических факторов неотъемлемым компонентом «постоянных национальных интересов — процветания и безопасности», которые следует реализовывать «в рамках “стратегической экосистемы” внутри страны и за рубежом» [Mr. Y, 2011: 3, 5]. Среди указанных трудов особняком стоит книга Дж. Сури и Б. Валентино «Устойчивая безопасность. Пересмотр американской стратегии национальной безопасности» [Suri, Valentino, 2016], которая в действительности посвящена проблемам именно *национальной безопасности США*. Подобная трактовка имеет довольно ограниченную коннотацию с концептом «устойчивая безопасность», который «пытается» утвердиться в сегодняшней девелопменталистике. Авторы книги честно признаются, что используют этот термин «для описания внешней политики, которая должна не только реализовывать сиюминутные задачи, но и служить долгосрочным интересам страны» [Suri, Valentino, 2016: 2].

Российские ученые приступили к исследованию проблемы безопасности в ее девелопменталистском ракурсе сравнительно недавно. Одним из первых к изучению связи устойчивого развития и безопасности подошел доктор философских наук А.Д. Урсул, последовательно отстаивающий необходимость расширения концепта и распространения его на все сферы жизни человеческого общества, включая национальную и глобальную безопасность [Урсул, 2017]. Забегая вперед, отметим, что в своей трактовке связи безопасности и развития ученый наиболее приблизился к пониманию концепта «устойчивая безопасность» в том его виде, в котором он существует в современной девелопменталистике. В последнее время основные теоретические изыскания на тему связки «безопасность — развитие» были сосредоточены в Центре проблем безопасности и развития, созданном на факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2011 г.² Сотрудники Центра, рассматривающие проблему развития не столько в ее общеполитической, универсальной трактовке,

² Официальная страница ЦПБР ФМП МГУ. Доступ: <http://fmp.msu.ru/tsentr-problem-bezopasnosti-i-razvitiya/78-nauka/tspbr> (дата обращения: 15.12.2017).

сколько в более конкретном, девелопменталистском приближении (т.е. с точки зрения содействия международному развитию, в частности предотвращения и урегулирования конфликтов, а также постконфликтного миростроительства), прослеживают научную тенденцию современного расширительного толкования понятия «безопасность» [Бартенев, 2015; Юдин, 2017а, 2017б].

Объектом пристального внимания экспертов Центра является концепт связки «безопасность — развитие», который в последнее время прочно утвердился в официальном дискурсе ведущих государств-доноров и международных организаций. Важно отметить, что ученые именно Московского университета проявляют стабильный интерес к данной проблематике. Так, несколько лет тому назад факультет политологии МГУ провел научно-практический семинар по проблеме человеческой безопасности, в котором приняли участие ученые из Российской академии наук и различных вузов страны. Научная дискуссия нашла отражение в специальном издании «Безопасность человека в контексте международной политики» (М., 2010). Сосредоточившись на анализе концепции «человеческой безопасности», утвердившейся в девелопменталистском дискурсе в первой половине 1990-х годов, ее участники, не употребляя напрямую термин «устойчивая безопасность», в сущности, затронули вопросы, представляющие собой ее различные аспекты [Задохин, 2010; Кочетков, Пак, 2010; Рыжов, Золина, 2010]. Вместе с тем понятие «устойчивая безопасность» как таковое до сих пор отечественной наукой не исследовалось.

В настоящей статье мы ставим целью проследить процесс генезиса понятия «устойчивая безопасность», показать условия и причины его появления, а также охарактеризовать основные параметры концепта и его отличия от предыдущих трактовок первого из двух компонентов связки «безопасность — развитие».

* * *

В 1987 г. Международная комиссия по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд) представила на суд общественности доклад «Наше общее будущее»³, который и ввел в научный и политический оборот термин «устойчивое развитие». Текст доклада содержал прямые отсылки к безопасности. При

³ Our common future. Report of the World Commission on Environment and Development. 1987 // United Nations. Available at: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> (accessed: 23.10.2017).

этом эксперты комиссии уже тогда фактически исходили из расширительной трактовки этого понятия. Они отмечали, что такие явления, как бедность, неравенство (в частности, неравномерный доступ к жизненно важным ресурсам), деградация окружающей среды, конфликты и войны тесно взаимосвязаны. В результате дисбаланс между природой, отдельным человеком и обществом в целом, возникающий и усиливающийся в процессе бездумного расходования природных ресурсов, может стать одной из важных предпосылок, а в некоторых случаях — и катализатором внутренних и международных конфликтов⁴. Ближе всего к проблематике безопасности 11-я глава доклада, которая посвящена угрозам ядерной войны, возможного применения других видов оружия массового уничтожения, внутренних и межгосударственных конфликтов.

В научном плане доклад фактически ознаменовал окончательный отход от «экономики развития» в сторону новой парадигмы, что, безусловно, стало прорывом в теоретической деволюменталистике. При этом нельзя забывать, что и сам документ стал результатом попыток ученых пересмотреть категорию «безопасность», которые предпринимались как минимум на протяжении двух предшествующих десятилетий. Заслуга в этом принадлежит Римскому клубу, эксперты которого, определяя новые, глобальные по характеру потенциальные угрозы выживанию человечества, доказывали, что если тенденции ускоренной индустриализации, роста численности населения, истощения запасов невозобновляемых ресурсов и деградации природной среды будут развиваться, то в течение следующего столетия мир ждет неминуемая катастрофа: человечество выйдет за «пределы роста», произойдет неконтролируемый и невосполнимый спад численности населения, резко снизится объем производства⁵. Важно отметить, что уже тогда, в самом начале 1970-х годов, признание новой, расширенной трактовки безопасности нашло выражение в конкретных действиях международного сообщества. В 1972 г. в Стокгольме состоялся крупный международный форум, поставивший во главу повестки дня необходимость решения проблем окружающей природной среды и открывший серию экологических форумов ООН; а в декабре того же года на основа-

⁴ Ibidem.

⁵ Meadows D., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. Limits to growth. Club of Rome. 1972 // The Donella Meadows Project. Available at: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (accessed: 15.10.2018).

нии выработанных в Стокгольме рекомендаций была учреждена Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП; United Nations Environment Programme, UNEP)⁶.

Перечисленные в докладе Комиссии Брундтланд риски не ограничивались экологией. Однако, возможно, в силу того, что документ был подготовлен организацией, изучающей именно проблемы окружающей среды и развития, а может быть, из-за лексических особенностей текста, подчеркивавшего угрозы в первую очередь экологического характера, проблема безопасности оказалась заретушированной природоохранной терминологией. На начальном этапе оформления концепта «устойчивое развитие» именно диада «устойчивое развитие — безопасность окружающей среды» характеризовала базовый нексус. Экологическая трактовка устойчивого развития доминировала в международном девелопменталистском и политическом сообществах долгое время (отчасти это ощущается и сегодня). Данное обстоятельство объясняло восприятие его практиками в качестве довольно абстрактной теории, не способствующей решению стоящих перед международным сообществом первоочередных задач. Ученые, убежденные в необходимости более широкой трактовки безопасности, не могли быть удовлетворены подобным положением вещей, поскольку осознавали масштаб потенциала концепта «устойчивое развитие» и его перспективность с точки зрения еще одной конкретной области международных отношений — конфликтологии.

Постепенно парадигма устойчивого развития углублялась и конкретизировалась, все больше укрепляя и акцентируя фундамент всей конструкции — связку «безопасность — развитие». В результате термин был официально признан на самом высоком уровне. Одной из наиболее значимых вех в его утверждении стала Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Саммит Земли) в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

Новый импульс для утверждения современной версии устойчивого развития обеспечила обозначившаяся в последнее десятилетие прошлого столетия парадигма человеческой безопасности (хотя нельзя забывать и об обратной связи: определение основных параметров устойчивого развития, несомненно, дало толчок к более широкой трактовке безопасности). Ученые до-

⁶ Программа ООН по окружающей среде (UNEP). Учреждена на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2997 от 15 декабря 1972 г. (A/RES/2997(XXVII)) // ООН. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/273/21/IMG/NR027321.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.10.2018).

вольно быстро обратили внимание на явные нестыковки в рамках подхода энвайроменталистской безопасности: широкий спектр экологических рисков представлял собой угрозу выживанию человечества, в то время как объектом безопасности оставалось государство. Это несовпадение эксперты и предложили устранить в концепте «человеческая безопасность».

Доклад ООН о человеческом развитии 1994 г., от которого принято отсчитывать старт нового концепта, содержал специальный раздел — «Новые измерения человеческой безопасности»⁷. Призывая отойти от традиционной, узкой трактовки понятия «безопасность», авторы доклада отмечали, что у большинства людей чувство незащищенности чаще возникает в результате неурядиц и бед в их повседневной жизни (голод, болезни, антисанитария, преступность, бесправие, коррупция и т.д.), чем от межгосударственных конфликтов и глобальных катаклизмов. «В конечном счете, — утверждали эксперты, — безопасность человека — это ребенок, который не умер; заболевание, которое не получило распространения; рабочее место, которое не было сокращено; межэтническая напряженность, которая не привела к вспышке насилия; инакомыслящий, которого не принудили к молчанию. Безопасность человека — это не вопрос оружия; это вопрос человеческой жизни и достоинства»⁸. Многочисленные и разнообразные угрозы безопасности человека эксперты распределили по семи категориям: экономическая безопасность (свобода от бедности), продовольственная безопасность (гарантия обеспечения доступа к пище), охрана здоровья (обеспечение медицинскими услугами), экологическая безопасность (защита от катастроф и угроз, создаваемых загрязнением окружающей среды), личная безопасность (защита от таких видов угроз, как пытки, военные действия, домашнее насилие, наркотики, уличная и бытовая преступность, инциденты на транспорте и т.д.), безопасность сообщества (бережное отношение к различным этническим группам, их традициям и культуре), наконец, политическая безопасность (гарантия соблюдения гражданских прав и свобода от преследования)⁹. Интересно, что прозвучавшие в докладе формулировки фактически напрямую отсылали читателей к знаменитым «четырем свободам Рузвельта», точнее,

⁷ Human development Report. 1994. P. 22 // United Nations Development Programme. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 15.10.2018).

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid. P. 24–25.

тем из них, которые полвека назад многим казались слишком надуманными и напыщенными: «свободе от нужды», а также еще более интересной и перспективной с точки зрения рассматриваемой проблематики «свободе от страха».

Безопасность человека значительно нагляднее коррелировала с устойчивым развитием уже в силу акцента на социальном аспекте постулируемой приверженцами этой доктрины триады «окружающая среда, экономика, общество». Среди характеристик, отличавших человеческую безопасность от традиционных трактовок, следует отметить главные. Во-первых, объектом безопасности стал человек, а не населенная людьми отдельная политико-административная единица. В докладе 1994 г. прямо указывалось на то, что новая парадигма «человекоцентрична»¹⁰. Во-вторых, акцент сдвинулся с проблемы выживания и защиты государства на выживание и защиту достоинства людей. В-третьих, существенный контраст между двумя парадигмами заключался в том, что обеспечение прав человека теперь рассматривалось в качестве задачи более важной, чем защита прав государства (таких как территориальная целостность и суверенитет) [Khagram et al., 2003: 291].

Новая парадигма была призвана ответить в том числе на экологические угрозы и риски, однако многие эксперты считали, что заменить или просто потеснить экологическую безопасность она не могла [Dalby, 2009; Khagram et al., 2003; McDonald, 2016; Selby, Hoffmann, 2014]. Это объясняется тем, что экологическая безопасность понимается двояко: 1) «как состояние защищенности объекта (личности, населения, территории, промышленного или природного объекта)» или 2) «как состояние объекта (техногенного или природного), при котором отсутствует угроза окружающей природной среде со стороны данного объекта» [Тимофеев, Орлинская, 2017]. Если первое определение соответствует человекоцентричному подходу и подразумевает защиту человека от угроз, исходящих извне, от окружающей среды, то второе обозначает безопасность окружающей среды как таковой и делает акцент на противостоянии угрозам самой окружающей среде, в том числе рискам антропогенного свойства. В появившейся в 1990-е годы диаде «устойчивое развитие — человеческая безопасность» предпочтение отдавалось первой, человекоцентричной трактовке экологической безопасности.

¹⁰ Ibid. P. 23.

Всеохватывающее, но лишенное научной строгости определение человеческой безопасности обусловило многообразие ее прочтений. На практике это выразилось в том, что разработчики национальных внешнеполитических стратегий разных стран имели возможность приспособливать концепт под собственное понимание и интересы [Асташин, 2008].

Менялось толкование концепта и с течением времени. В первые годы после публикации доклада акцент делался на привычных девелопменталистам параметрах: бедности, продовольствии, здравоохранении, экологии. Однако уже к концу 1990-х годов исследователи и практики стали более пристально изучать именно политико-социологические аспекты проблематики. В фокус внимания ученых попал широчайший спектр угроз, которые принято называть «нетрадиционными»: терроризм, насилие, наркоторговля, торговля людьми, гендерное неравенство, коррупция, киберпреступность, межэтнические и межконфессиональные конфликты. Споры о характере и объекте этих угроз вызвал к жизни дискуссию о соотношении понятий «человеческая» и «государственная» безопасность. Единого мнения по этому вопросу у исследователей нет и по сей день.

В отечественной литературе наиболее распространенным является представление о том, что концепция человеческой (личностной) безопасности ни в коей мере не заменяет, а лишь дополняет традиционные концепты национальной и международной безопасности [Балуев, 2003; Худайкулова, 2010]. Такая точка зрения базируется на официальных документах. В докладе Комиссии ООН по проблемам человеческой безопасности 2003 г. указывается: «Безопасность человека дополняет безопасность государства, укрепляет права человека и укрепляет развитие человека. Она направлена на защиту людей от широкого круга угроз отдельным лицам и обществам и на предоставление им возможности действовать от своего имени»¹¹. Исследователи уточняют, что «обеспечение личностной безопасности не должно подрывать национальную и международную безопасность» [Балуев, 2003].

В то же время отдельные ученые обращают внимание на то, что человеческая безопасность в определенном смысле является антитезой государственной безопасности. Действительно, история знает слишком много примеров того, как государство

¹¹ Human security now // Commission on Human Security. 2003. Available at: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/91BAEEDBA50C6907C1256D19006A9353-chs-security-may03.pdf> (accessed: 15.10.2018).

выступало не защитником интересов своих граждан, а, наоборот, прямой угрозой их безопасности¹². В результате в конце XX в. авторитет государства в качестве главного объекта и субъекта безопасности оказался подорванным [Капица, 2013: 6]. Дискредитации концепта «национальная безопасность» способствовало и признание того обстоятельства, что глобализация, с одной стороны, «расширяет возможности для повышения качества жизни и развития человека, но в то же время <...> создает новые угрозы безопасности человека и усиливает уже существующие» [Биктимирова, 2002: 141], и у отдельно взятого государства оказывается просто недостаточно средств и возможностей обеспечить безопасность граждан. Сторонники другой точки зрения на соотношение концепций, которая в большей степени наблюдается в западном сообществе (отчасти в ученом, но еще больше в публицистическом и политическом), не склонны так резко противопоставлять человеческую и государственную безопасность. Их вывод заключается в том, что, поскольку безопасность и стабильность государственных институтов являются основными гарантиями безопасности граждан, безопасность человека неизбежно и неразрывно связана с государством [Krause, 2007: 6, 13]. Следовательно, эти две концепции в основном совпадают.

Близкая к последней, но более «радикальная» трактовка исходит из постулата о том, что нетрадиционные параметры безопасности определяют состояние как человеческой, так и национальной безопасности [Lama, 2018]. Из данного утверждения логично вытекает вывод о том, что, поскольку спектр этих параметров значительно шире в первом концепте, человеческая безопасность не только «перекрывает» национальную, но и является приоритетной. Опасность этого подхода кроется в стремлении следовать ему в практической политике. Логика рассуждений сторонников данной трактовки проста: в тех случаях, когда в современном глобальном и взаимозависимом мире государство не обладает способностью защищать своих граждан, помощь человеку должна прийти извне — со стороны других государств или международного сообщества. Как известно, этот постулат реализуется посредством ставших в последние десятилетия популярными «гуманитарных интервенций» и концепции «Ответственность по защите» (Responsibility to Protect — R2P). Западные ученые осознают рискованность подобных утверждений и, оправдывая свои симпатии в отношении человеческой безопасности, делают мно-

¹² Ibid. P. 2.

жество оговорок (к сожалению, малозначимых для практиков). Их смысл сводится к тому, что, поскольку защита прав человека может быть обеспечена только *демократическими* государствами, обладающими властью и монополией на применение силы для поддержания норм безопасности, вряд ли международное сообщество в ближайшее время сможет предоставить долгосрочные решения данной проблемы [Weiss, 2004: 138].

Несмотря на неоднозначные трактовки и оценки, человеческая безопасность довольно быстро отвоевала себе пространство в международных отношениях, причем не только в теоретическом дискурсе, но и в политической практике. Казалось, тезис о том, что защищать нужно человека (или человечество), а не территории (или государства), и не оружием, а посредством сотрудничества в реализации программ международного развития, в скором времени должен был стать стержневым не только в девелопменталистском дискурсе, но и в практике мировой политики. В конце 1990-х — 2000-х годах в мире появилось несколько солидных международных организаций, призванных наладить методологическую и «полевую» работу по реализации проектов непосредственно в сфере безопасности человека¹³. Тогда же концепт был признан и на межправительственном уровне: понятие «человеческая безопасность» или «безопасность личности» все чаще звучало на встречах самого высокого уровня; ряд государств включили человеческую безопасность в свои официальные внешнеполитические стратегии. Концепт укоренился в программах помощи развитию основных мировых доноров. Так, анализ опубликованной в 2000 г. стратегии устойчивого развития одного из ключевых участников донорского сообщества — Агентства по международному развитию США (отметим, что это был чуть ли не последний из значительных документов, подготовленных накануне событий, обусловивших феномен секьюритизации развития) — дает возможность заметить, насколько тесно коррелировались в нем оба концепта¹⁴.

¹³ Наиболее значимые из них — созданное в 1998 г. Сообщество по решению проблем человеческой безопасности (Human Security Network, HSN), которое включает 12 стран во главе с Норвегией и Канадой; Целевой фонд ООН по безопасности человека (UN Trust Fund for Human Security, UNTFHS), образованный в 1999 г. по инициативе Организации Объединенных Наций и правительства Японии; учрежденная в 2001 г. Комиссия ООН по проблемам человеческой безопасности (The Commission on Human Security, CHS); а также Общество друзей человеческой безопасности (Friends of Human Security, FHS) — открытый форум стран — членов ООН и других международных организаций, начавший свою работу в 2006 г.

¹⁴ USAID's Strategy for sustainable development: An overview // USAID. 10.04.2000. Available at: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1868/200sai.pdf> (accessed: 15.10.2018).

Императивы устойчивого развития как под кальку повторяли в документе все те параметры, которые обозначались в качестве угроз и рисков человеческой безопасности. Значительно расширив прежний, энвайроменталистский компонент нексуса «экологическая безопасность — устойчивое развитие», концепт «человеческая безопасность» фактически пришел ему на смену.

Американские исследователи С. Хэграм, У. Кларк и Д. Раад, приветствуя утверждение концептов «человеческое развитие» и «человеческая безопасность» в теории и практике, считали, что на рубеже веков наступило время для углубления и уточнения этих конструктов, и предлагали, с их точки зрения, более всеохватывающий и отвечающий целям именно *устойчивого* развития формат — «устойчивую безопасность». При этом основной акцент ученые делали на экологической безопасности, однако в менее «человекоцентричном» фокусе. Это означало, что окружающая среда должна была рассматриваться не только в качестве источника угроз безопасности человека, но и как самостоятельная ценность [Khagram et al., 2003].

Однако процесс становления «связки» в ее новой редакции — «человеческая безопасность — устойчивое развитие» (и в теории, и тем более в политической практике) — не был гладким.

Едва начав концептуализироваться, «связка» подверглась решительному пересмотру, основанием для которого стали события 11 сентября 2001 г. в США. На сей раз старт новому дискурсу был дан не теоретиками, а политиками: в мире началась «глобальная война против террора». В то же время к чести ученых-теоретиков нужно сказать, что объявленный Дж. Бушем-мл. «крестовый поход против терроризма» послужил подтверждением правоты приверженцев Копенгагенской школы в области изучения международных отношений во главе с Б. Бузаном, объяснивших феномен секьюритизации задолго до того, как мир вступил в этот период (хотя понятна и обратная связь: в значительной степени именно исследования Б. Бузана и его коллег в 1990-х годах [Vuzan et al., 1998] подготовили благодатную почву для невероятного быстрого утверждения концепта «секьюритизации» в теории международно-политической науки). Знаменитое обращение 43-го президента США к Конгрессу 20 сентября 2001 г.¹⁵ служило ярким примером, в котором понятие «безопасность»

¹⁵ Address to the Joint Session of the 107th Congress United States Capitol Washington, D.C. 20.09.2001 // Selected speeches of President George W. Bush 2001–2008. Available at: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/bushrecord/documents/Selected_Speeches_George_W_Bush.pdf (accessed: 15.10.2018).

выступило в качестве «речевого акта, представлявшего собой реакцию на угрозу и требующего чрезвычайных действий» [Busan et al., 1998: 21]. Эта речь дала старт политическому дискурсу, который, согласно методологии, ранее предложенной Копенгагенской школой, и явился классическим способом утверждения процесса секьюритизации в международных отношениях. Прозвучавшее в ней обоснование масштабности угрозы должно было обозначить цель и сразу же определить средства ее достижения, а именно: возможность для правительства возложить на себя особые полномочия и оправдать применение силы в обход установленных норм.

Процесс секьюритизации мировой политики не мог не захватить и один из важных ее сегментов — международное развитие. Стартовавший на либеральной волне окончания «холодной войны» процесс расширения и гуманизации первого компонента нексуса «безопасность — развитие» пошел на убыль: «Девелопментализация безопасности» обернулась «секьюритизацией развития» [Бартенев, 2011: 39]. Последняя стала центральной в девелопменталистском дискурсе¹⁶. Содержанием и одновременно результатом этого процесса оказалось резкое сужение повестки дня в области безопасности: акцент снова перешел на национальную безопасность. Интересно отметить, что специалисты в области международного развития помнят практически аналогичный виток девелопменталистской спирали, произошедший в начальный период ее истории. На рубеже 1940-х–1950-х годов предложенная американскими либералами идея технической помощи отсталым странам именно в силу сужения первого компонента нексуса была выхолощена и на практике превратилась в придаток программ военной и военно-экономической помощи.

Последствия новой волны секьюритизации стали сказываться уже очень скоро. Международное сообщество девелопменталистов, вдохновленное оптимистичными результатами саммита в Рио-де-Жанейро 1992 г. и возлагавшее большие надежды на Рио+10, проведение которого было запланировано на 2002 г. в Йоханнесбурге, было крайне разочаровано его результатами. По сравнению с принятой 10 лет назад широкой программой развития — «Повесткой дня на XXI век» — итоги Йоханнесбургского форума были более чем скромными (забегая вперед, скажем, что с

¹⁶ Важно сделать оговорку: связка «безопасность — развитие» в концепции содействия международному развитию присутствовала изначально, но переосмыслению подвергалось содержание понятия «безопасность».

не меньшей долей скепсиса и разочарования эксперты оценивали и итоги следующего саммита — Рио+20¹⁷). Конечно, было бы наивно объяснять неудачи и невнятность решений обоих саммитов одной лишь секьюритизацией. Однако факт незаинтересованности и безынициативности правительств ряда ключевых развитых стран был налицо. Объяснялось это в значительной степени тем, что в руководстве этих государств, в первую очередь Соединенных Штатов, после событий 2001 г. царило смятение и в целом отсутствовало понимание того, каким должно быть устойчивое развитие. Администрация Дж. Буша-мл., озабоченная угрозами государственной безопасности, фактически дистанцировалась от подготовки саммита «Рио+10» и отправила туда большую, но весьма непреставительную делегацию. В дни форума ведущие информационные издания страны писали, что между ее членами существовали серьезные разногласия по поводу данных им президентских напутствий, в первую очередь в отношении указания не подписывать основные итоговые документы. СМИ с удовольствием цитировали высокопоставленных сотрудников администрации, цинично и нелицеприятно высказывавшихся о Йоханнесбургском саммите и называвших его «цирком»¹⁸.

* * *

Для многих экспертов, политиков и общественных деятелей секьюритизация развития означала уход от девелопменталистских приоритетов, явственно обозначившихся в предшествовавший период. В то же время они, конечно, и сами не могли не осознавать, что оснований для оптимизма, свойственного атмосфере международных отношений самых первых лет после окончания «холодной войны», явно поубавилось: мир в первые годы XXI в. стал гораздо опаснее, чем в период «биполярности». Практически одновременно с провозглашением «глобальной войны с терроризмом» ученые начали поиски новой парадигмы безопасности, которая могла бы, с одной стороны, скорректировать многие положения концепции человеческой безопасности и приблизить ее к реальностям нового мира, с другой — удержать

¹⁷ Examining Rio+20's outcome // Council on Foreign Relations. 05.07.2012. Available at: <https://www.cfr.org/expert-roundup/examining-rio20s-outcome> (accessed: 15.10.2018).

¹⁸ The Earth Summit; U.S. delegation in Rio strained and divided over policy // The New York Times. 12.06.1992. Available at: <https://www.nytimes.com/1992/06/12/world/the-earth-summit-us-delegation-in-rio-strained-and-divided-over-policy.html> (accessed: 15.10.2018).

политиков от крайностей и стремления вернуться к прежним, узким и устаревшим, трактовкам безопасности и национальных интересов. Несмотря на размытость и абстрактность формулировок парадигмы человеческой безопасности, в ней, несомненно, присутствовали перспективный теоретический посыл и запас глубины, необходимой для дальнейшей ее разработки.

В частности, упомянутая «свобода от страха», предполагавшая защиту человека от всякого насилия, уже в 1990-е годы способствовала переключению внимания ученых на внутригосударственные, религиозные, межэтнические конфликты. Перспективной также оказалась добавленная в повестку дня человеческой безопасности взаимозависимость между проблемами изменения климата и нехватки ресурсов, с одной стороны, и конфликтами — с другой. Эта связка способствовала введению в фокус девелопменталистского дискурса начала XXI столетия одного из наиболее острых вопросов современных международных отношений — проблемы государственной состоятельности как угрозы глобальной безопасности¹⁹.

Результатом осмысления учеными мирополитических реалий начала века и их корреляции с состоянием теории развития стала новая парадигма — «устойчивая безопасность». Наиболее развернутую и обоснованную теоретическую трактовку этого понятия, как уже упоминалось, предложили эксперты ОИГ — базирующейся в Великобритании неправительственной организации, которая занимается разработкой стратегических подходов в области безопасности, миростроительства и правосудия, а также благотворительными проектами. Сама группа позиционирует себя в качестве организации, содействующей «глобальному сотрудничеству на основе подходов, структур и институтов, которые поддерживают мир и безопасность в долгосрочной перспективе», а также занятой распространением «экспертных знаний по вопросам климатической и экологической политики, проблемам маргинализации и развития, оборонной промышленности, эскалации геополитической напряженности, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке»²⁰.

¹⁹ Подробнее об основных направлениях эволюции и взаимовлияния политического и научного дискурсов по проблемам государственной состоятельности в странах Запада и о «логике понятийной эквилибристики», предопределявших переход от «несостоявшихся государств» (failed states) к «неустойчивым состояниям» (fragile situations), см.: [Бартенев, 2017].

²⁰ Sustainable security programme // Oxford Research Group. Available at: <https://www.oxfordresearchgroup.org.uk/Pages/Category/sustainable-security> (accessed: 15.10.2018).

Исходной позицией ученых ОИГ стала неудовлетворенность секьюритизацией, а точнее, милитаризацией в сфере международных отношений и развития. Никогда прежде человечество не жило в мире, который, с одной стороны, был бы столь взаимосвязанным, с другой — столь социально и экономически разделенным, отмечали исследователи в докладе, названном ими «Глобальные ответы на глобальные угрозы. Устойчивая безопасность XXI века» [Abbott et al., 2006]. При этом никогда раньше не были так очевидны экологические риски и ограничения, и никогда раньше традиционные подходы к решению конфликтов посредством применения силы не давали столь контрпродуктивных результатов.

«Международный терроризм фактически представляет собой относительно незначительную угрозу по сравнению с другими, более серьезными глобальными тенденциями, — рассуждали эксперты, — и нынешние меры реагирования на эти тенденции, скорее всего, увеличат, а не уменьшат риски дальнейших террористических нападений» [Abbott et al., 2006: 4]. «Война с терроризмом» характеризовалась аналитиками как близорукий подход к решению фундаментальных и долгосрочных проблем, шаг назад от прежней парадигмы — безопасности человека. Секьюритизацию ученые называли «парадигмой контроля», рассматривая ее в качестве попытки сохранения статус-кво военными средствами и поддержания состояния отсутствия безопасности без устранения его коренных причин. Реалии глобального мира требовали пересмотра существовавших подходов. В этой связи эксперты ОИГ предлагали собственную концепцию, которую, видимо, по аналогии и для наглядной параллели с устойчивым развитием назвали «устойчивой безопасностью» (хотя термин этот употреблялся в ученом сообществе и ранее).

Устойчивая безопасность, полагали британские исследователи, могла быть обеспечена посредством выявления и устранения основных факторов и причин конфликтов (отсутствия безопасности), а не борьбы с их симптомами. Основное внимание в формате новой парадигмы было предложено уделять превентивным, а не реактивным стратегиям изучения и урегулирования конфликтов. Обосновывая необходимость перехода к новой парадигме безопасности, эксперты определили четыре взаимосвязанные группы факторов, которые, по их мнению, следовало рассматривать в качестве коренных причин конфликтов и отсутствия безопасности в современном мире, а также вероятных детерминант будущих конфликтов [Abbott et al., 2006: 7]:

- социальные последствия изменения климата: деградация инфраструктуры, нехватка ресурсов и массовое перемещение населения, ведущие к гражданским беспорядкам, межобщинному насилию и международной нестабильности;
- усиление конкуренции за доступ к ресурсам;
- усиление социально-экономических разногласий, политическая, экономическая и культурная маргинализация подавляющего большинства населения мира;
- глобальная милитаризация: расширение применения военной силы в качестве меры обеспечения безопасности и дальнейшее распространение военных технологий, включая химическое, биологическое, радиологическое и ядерное оружие.

Пункт о социальных последствиях изменения климата фактически примирил две методологически противоположные трактовки экологической безопасности. Речь в предложенной парадигме шла не только об угрозах человечеству, но и об экологической безопасности как таковой. Говоря об изменении климата и связанных с ним стихийных бедствиях, которые могут привести к перемещению людей из зон засухи или, наоборот, затопления и к массовой миграции, авторы оперировали категориями человеческой безопасности, т.е. говорили об угрозах человеку: нехватке продовольствия, антисанитарии, болезнях, социальных беспорядках и т.д. В то же время они придерживаются теории негативного воздействия деятельности самого человека на окружающую среду, приведшего к крупномасштабной потере биологического разнообразия Земли и повышению глобальной средней температуры. Некоторые из ранних эффектов глобального потепления, по мнению ученых, уже очевидны. Так, они приводят данные специалистов Всемирной организации здравоохранения за 2004 г., которые подсчитали, что в начале XXI в. смертность, обусловленная антропогенными факторами, составляет не менее 150 тыс. человек в год, причем наибольшая доля этих смертей приходится на Южную Африку [Abbott et al., 2006: 8]. При этом эксперты подчеркивают, что риски, порождаемые человеком в результате бездумного обращения с природой, потенциально являются значительно более разрушительными, чем международный терроризм, и имеют долгосрочные последствия для безопасности не только личности, но и всех без исключения стран.

Довольно большой раздел доклада посвящен проблеме энергетики, в частности атомной. Эксперты полагают, что реакцией на глобальное потепление и решением энергетической проблемы не

должен стать «ядерный ренессанс». Новые объекты атомной энергетики лишь увеличат количество потенциальных мишеней для террористов; технологии и материалы могут привлечь внимание «государств-изгоев» или террористических сетей, стремящихся разработать собственное оружие. В этом аспекте оксфордские эксперты разделяют точку зрения шведского физика, лауреата Нобелевской премии А. Ханнеса о том, что мирный атом и военный атом — в сущности, «сиамские близнецы» [Abbott et al., 2006: 17]. Вместо строительства новых ядерных реакторов ученые предлагают сосредоточить внимание на защите и безопасности уже существующих установок и изучении вариантов полного отказа от их использования. Наиболее устойчивыми и безопасными ответными мерами могут стать освоение возобновляемых источников энергии — ветровой, волновой, приливной и солнечной, а также внедрение радикальных практик энергосбережения. Это тем более необходимо, поскольку растущее потребление нефти является основной причиной изменения климата и уже по одной только этой причине должно быть сокращено. В качестве аргумента в пользу существования связи безопасности с борьбой за ресурсы и необходимости переориентироваться на возобновляемые источники энергии эксперты приводят конфликты в Персидском заливе. Однако нефть — это отнюдь не единственный природный ресурс, борьба за который может привести к нестабильности в мире.

С каждым годом все большие опасения ученых вызывает стойкая тенденция обезвоживания планеты. Неслучайно эксперты ООН назвали водный кризис одной из главных угроз выживанию человечества и объявили 2005–2015 гг. декадой «Воды для жизни», призвав государства и общественные организации инициировать и поддерживать программы содействия странам, население которых страдает от острой нехватки чистой пресной воды²¹. Авторы концепта «устойчивая безопасность», правда, отметили, что неравный доступ к воде и ее нехватка в ближайшем будущем, возможно, и не спровоцируют конфликтов, но, несомненно, способны усугубить существующую напряженность и могут быть использованы в качестве инструмента в рамках уже начавшихся в силу других причин межгосударственных противостояний [Abbott et al., 2006: 14].

²¹ Международное десятилетие действия «Вода для жизни», 2005–2015 // ООН. Доступ: <http://www.un.org/ru/waterforlifedecade/background.shtml> (дата обращения: 10.10.2018).

Попытки поддержания международной безопасности путем активного использования военной силы, по мнению экспертов ОИГ, ни в коей мере не затрагивают ключевой тенденции современности — глобальной маргинализации населения, вызванной тем, что выгоды от общемирового экономического роста последних десятилетий распределяются крайне неравномерно, концентрируясь лишь в отдельных странах и даже отдельных компаниях. «Война с терроризмом», наоборот, фактически поощряет рост радикальных и экстремистских движений. Политическая изоляция и карательные методы ведут лишь к новому витку насилия, росту организованной преступности, социальным беспорядкам, культурным разногласиям, дальнейшему углублению неравенства и усугублению бедности. Политика сдерживания этих явлений должна выходить за рамки традиционных форм борьбы с терроризмом и включать широкий спектр методов предотвращения и разрешения конфликтов, в основе которых лежат усилия, направленные на решение глобальных социально-экономических проблем [Abbott et al., 2006: 16, 18].

Проблему «маргинализации большинства» аналитики предложили решать весьма диверсифицированными методами: во-первых, включением задачи борьбы с нищетой в список приоритетов мирового сообщества; во-вторых, посредством «реформы глобальных систем торговли, помощи и облегчения бремени задолженности»; в-третьих, «рассмотрением законных политических претензий и чаяний маргинализированных групп», которое предполагалось сочетать с проводимыми разведывательными службами контртеррористическими и полицейскими операциями против «экстремистских и революционных групп», а также, где это возможно, диалогом с руководством террористических формирований [Abbott et al., 2006: 28]. Для того чтобы остановить темпы глобальной милитаризации, государства, обладающие ядерным оружием, по мнению авторов доклада, должны предпринять «смелые и заметные» шаги в направлении разоружения, одновременно отказавшись от программ по разработке и распространению новых видов ядерного и биологического оружия [Abbott et al., 2006: 28–29].

В докладе отмечалось, что императивы устойчивой безопасности требуют огромных совместных усилий международного сообщества. Только такой авторитетной организации, как ООН, под силу координация конкретных программ подобного масштаба. Отдельные правительства, слишком сосредоточенные на собственных интересах и привлекаемые кажущейся простотой

принятия решений в формате секьюритизации, вряд ли готовы реализовывать новый подход «без давления снизу», а это означает, что в процессе утверждения парадигмы большая ответственность ложится также на неправительственные организации и гражданское общество в целом. В то же время, по мнению авторов, взять на себя инициативу и обеспечить политическое лидерство в этом процессе могут и должны две страны — США и Великобритания [Abbott et al., 2006: 28–29].

В целом при сопоставлении концептов «устойчивая безопасность» и «человеческая безопасность» прежде всего обращают на себя внимание широкий охват и наступательный характер первого из них, расчет на долгосрочные перспективы, ярко выраженный реформистский компонент. Можно отметить и некоторое ужесточение формулировок, что выражается в значительно меньшем количестве упоминаний и отсылок к человеческой (личностной) безопасности, частичном возвращении к привычным императивам государственной безопасности, отсутствии акцентов на бережном отношении к традициям и культуре различных этнических групп, гарантиях соблюдения гражданских прав и т.д. Однако утверждать, что в трактовке британских ученых устойчивая безопасность менее антропоцентрична [Khagram et al., 2003: 290], на наш взгляд, не совсем верно. Эта оценка, безусловно, справедлива в отношении одного из аспектов парадигмы — безопасности окружающей среды, которая больше не рассматривается лишь в качестве источника рисков и угроз для человека. В остальном перечень императивов устойчивой безопасности представляется не только более обширным, но и более конкретным. Если внимательно посмотреть, то ни одна позиция человеческой безопасности при переходе в новую парадигму не потерялась. Просто теперь эксперты попытались разместить их не каждую по отдельности (защита от экологических катастроф, свобода от бедности, продовольственная безопасность, права и достоинство человека и т.д.), а, по аналогии с медицинской семиотикой, представить симптомы «ненормальности» состояния современного мира с одновременной диагностикой всего комплекса их причин. С точки зрения теории основополагающие компоненты новой парадигмы — социальный прогресс, экономика и ответственность за окружающую среду, образуя жесткую и не подверженную деформации конструкцию правильного треугольника, должны были составить логичную и полноценную пару концепту «устойчивое развитие». Прикладное значение данного теоретического конструкта состояло в интеграции императивов

государственной, человеческой и экологической безопасности и в возможности расширения поля деятельности как международных организаций, так и отдельных правительств.

Помимо оксфордских экспертов в качестве большого энтузиаста в деле продвижения парадигмы устойчивой безопасности в последние десятилетия позиционирует себя Центр за американский прогресс — «мозговой центр» либерального направления, в политическом плане ориентирующийся на Демократическую партию США. Деятельность этой организации отличается меньшей склонностью к теоретизированию; рекомендации Центра имеют более прикладной характер, что вполне объяснимо: начиная с момента его учреждения в 2003 г. эксперты работают над политическими стратегиями конкретных персоналий — президентов и кандидатов в президенты США. Понятие «устойчивая безопасность» в объяснении экспертов Центра за американский прогресс существенно отличается от оксфордской интерпретации. Интересно, что американский вариант также представляет собой равнобедренный треугольник, но совершенно иного содержания.

«Устойчивая безопасность — это переосмысление наших представлений о национальной безопасности в сегодняшнем меняющемся, глобализирующемся мире, — говорят эксперты Центра. — <...> Наряду с высокоэффективными вооруженными силами дипломатия и содействие международному развитию зачастую могут быть менее затратными, но не менее действенными методами решения наших общих проблем: создания новых возможностей для людей и предотвращения и разрешения конфликтов без применения военной силы. <...> Устойчивая безопасность — это будущее Америки и мира в долгосрочной перспективе, сфокусированное на трех компонентах: 1) национальной безопасности (обеспечение безопасности Соединенных Штатов); 2) человеческой безопасности (благополучие и защита людей); 3) коллективной безопасности (общие интересы всего мира)»²². Таким образом, эксперты Центра предлагают создать концепт «устойчивая безопасность» путем «примирения» и соединения двух часто противоречащих друг другу понятий — «государственная безопасность» и «человеческая безопасность».

Сторонников данной интерпретации устойчивой безопасности подобная эклектичность не смущает, они объясняют ее довольно просто: «Стратегия национальной безопасности, как

²² About sustainable security // Center for American Progress. Available at: <https://www.americanprogress.org/about/ss-about/> (accessed: 12.10.2018).

правило, разрабатывается в режиме реального времени и ориентирована на существующие в данный момент непосредственные угрозы, между тем как стратегия безопасности человека, направленная на улучшение условий жизни людей, предполагает более долгосрочные перспективы. Устойчивая безопасность сочетает в себе эти два аспекта, что позволяет сосредоточить внимание на задачах защиты Соединенных Штатов и одновременного отстаивания интересов всего человечества — не только потому, что это правильно, но и потому, что этого требует наша безопасность» [Smith, 2008]²³. При всей абстрактности формулировок обращает на себя внимание акцент, который аналитики делают на национальной безопасности. Парадигма устойчивой безопасности в практической плоскости — это «прогрессивный подход к проблемам внешней политики и национальной безопасности, который уделяет внимание развитию в той же степени, что обороне и дипломатии» (так называемый подход «3D») [Smith, 2008]. С одной стороны, следует признать, что в силу указанной эклектичности американский подход уязвим для критики. С другой стороны, нельзя отрицать, что его нацеленность на практическую политику и возрождение акцента на национальной безопасности уже дают результаты.

В качестве примера можно привести разработанный экспертами Министерства обороны США и опубликованный в 2011 г. (т.е. в еще в период первого срока президентства Б. Обамы, администрация которого тесно сотрудничала с Центром) информационно-аналитический доклад, где утверждается, что «безопасность — это больше, чем оборона», что государственные интересы США требуют инвестировать меньше средств в оборону и больше — в «устойчивое процветание и безопасность», что американские национальные интересы следует реализовывать «в рамках “стратегической экосистемы”» и т.д. [Mr. Y, 2011: 3, 5]. Поскольку выводы о необходимости переориентации дискурса по проблемам обеспечения национальной безопасности с сугубо традиционных императивов на неотложные задачи экономического, социального и экологического характера высказывают не ученые, а сотрудники главного военного ведомства, публикация

²³ Интересно, что автор этого доклада Гэйл Смит была назначена Б. Обамой после его прихода к власти старшим директором по вопросам демократии и развития в Аппарате Совета национальной безопасности США, а в 2015 г. возглавила Агентство по международному развитию (USAID). Ее деятельность на этих постах способствовала расширению использования невоенных инструментов — дипломатии и содействия развитию — в американской внешней политике.

доклада, несомненно, стала знаковым событием не только в политической жизни США, но и в девелопменталистике в целом.

Если же говорить об эволюции теоретического дискурса устойчивой безопасности, то сегодня его мейнстримом является связка водной, продовольственной, энергетической и климатической безопасности (water-food-energy-climate security nexus). Эта четырехчленная формула была обоснована экспертами международного сообщества девелопменталистов в 2011 г. в двух наиболее значительных документах: аналитическом обзоре, подготовленном по инициативе Всемирного экономического форума²⁴, и докладе Стокгольмского института окружающей среды²⁵. Оба документа и по структуре, и по содержанию заметно перекликались с докладом Комиссии Брундтланд 1987 г.

Указанная трактовка концепта «устойчивая безопасность» вызывает немало критики среди западных ученых [Leese, Meisch, 2015; Matthew et al., 2017].

Ряд специалистов, обращая внимание на экологический крен устойчивого развития, предлагают не исключать из мультидисциплинарного поля исследований недавнюю полномостную хозяйку девелопменталистики — экономику. В частности, известный специалист в области международных отношений финский профессор Дж. Рейд, рассуждая в рамках неолиберальной парадигмы, формулирует свою оригинальную трактовку связки «устойчивое развитие — безопасность». С точки зрения исследователя, «стрессоустойчивость» (resilience) является не чем иным, как взаимодействием экологических и экономических факторов в рациональном поле безопасности. «В то время как устойчивое развитие призвано гарантировать безопасную жизнь биосферы, — пишет Дж. Рейд, — экономика является средством обеспечения этой безопасности» [Reid, 2013: 353–354].

* * *

В сегодняшней англоязычной девелопменталистской литературе, посвященной безопасности, часто можно встретить неологизм «лиддизм» (liddism — от англ. “lid” — крышка). Он

²⁴ Water security: The water-energy-food-climate nexus // World Economic Forum. 2011. Available at: <https://www.weforum.org/reports/water-security-water-energy-food-climate-nexus> (accessed: 03.11.2017).

²⁵ Hoff H. Understanding the nexus. Background paper for the Bonn 2011 conference: The water, energy, and food security nexus. Stockholm Environment Institute, Stockholm. Available at: http://wef-conference.gwsp.org/fileadmin/documents_news/understanding_the_nexus.pdf (accessed: 03.11.2017).

используется для характеристики практикующихся в последние почти два десятилетия жестких, милитаристских или парамилитаристских, подходов ведущих стран к решению наиболее актуальных мирополитических проблем. Критики секьюритизации считают, что эти подходы не способны обеспечить безопасность и могут лишь «прикрыть» ее отсутствие. Как отмечает британский ученый, автор выдержавшей три издания книги «Теряя контроль: глобальная безопасность в XXI веке» П. Роджерс [Rogers, 2010], глубоко ошибочная стратегия «лиддизма» не будет работать в долгосрочной перспективе и, по сути, уже давно на фоне расширения практики применения военной силы и увеличения числа асимметричных конфликтов демонстрирует полную неэффективность. «Поиск других путей к устойчивому будущему сегодня актуален как никогда», — заключает ученый²⁶.

Ответом девелопменталистского сообщества на секьюритизацию международных отношений и развития стала парадигма устойчивой безопасности. Основное отличие нового подхода от «парадигмы контроля» (или «лиддизма») заключается в том, что, по замыслу разработчиков, он направлен не на поддержание статус-кво посредством применения силы (то, что авторы называют «борьбой с симптомами заболевания»), а на устранение коренных причин существующих угроз с использованием наиболее эффективных имеющихся средств («лечение самой болезни»). Таким образом, устойчивый подход к обеспечению безопасности по своей сути является превентивным. Однако важно отметить, что новая парадигма, по мнению ее создателей и приверженцев, была не только антиподом секьюритизации, но и альтернативой предшествующей трактовке первого компонента нексуса «безопасность–развитие» — человеческой безопасности. Роль содержательной и стилистической фигуры контраста при этом должно было играть именно понятие «устойчивость». Несмотря на то что отдельные элементы новой парадигмы наверняка еще будут уточняться, конкретизироваться и унифицироваться, по всей видимости, сегодня можно с осторожностью сказать, что исходное положение теории развития, более полувека назад облеченное Р. Макнамарой в незыблемую формулу «безопасность — это развитие, а развитие — это безопасность»²⁷, транс-

²⁶ Rogers P. Beyond 'Liddism': Towards real global security // Open Democracy. 01.04.2010. Available at: <https://www.opendemocracy.net/paul-rogers/beyond-%E2%80%9Cliddism%E2%80%9D-towards-real-global-security> (accessed: 10.09.2018).

²⁷ Эту фразу в разные времена произносили многие политические и общественные деятели, но наиболее часто цитируется именно экс-министр обороны США,

формировалось в новое, усовершенствованное клише: «устойчивая безопасность — это устойчивое развитие, а устойчивое развитие — это устойчивая безопасность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташин В.В. Альтернативные подходы к проблемам безопасности в международных исследованиях: концепция человеческой безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2 (14). С. 63–69.
2. Балуев Д. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 95–105.
3. Бартенев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26–41.
4. Бартенев В.И. Связка «безопасность–развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97.
5. Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций. 2011. № 3. С. 37–50.
6. Биктимирова З.З. Безопасность в концепции развития человека // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 135–142.
7. Задохин А.Г. Человеческая безопасность как составляющая стратегии устойчивого развития // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. Доступ: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (дата обращения: 23.09.2018).
8. Капица Л. Человеческая безопасность // ResearchGate. 2013. Доступ: https://www.researchgate.net/publication/249771346_Celoveceskaa_bezopasnost_stata_PDF (дата обращения: 23.09.2018).
9. Кочетков В.В., Пак Е.В. Человеческая безопасность в контексте дефицита водных ресурсов // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. Доступ: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (дата обращения: 23.09.2018).
10. Рощина И.В., Дятлова Н.А., Рощина Г.С. Устойчивое развитие и устойчивая безопасность монопрофильных муниципальных образований // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 54–63.
11. Рыжов И.В., Золина Д.М. Человеческая безопасность в свете соперничества между государствами Ближнего Востока за водные ресурсы // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. Доступ: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (дата обращения: 23.09.2018).

впоследствии директор Всемирного банка Р. Макнамара: McNamara R.S. Speech on 'Security in the Contemporary World'. Secretary of Defense before the American Society of Newspaper Editors. Montreal, Canada, May 18th, 1966. Available at: http://2parse.com/?page_id=3385 (accessed: 21.10.2018).

12. Тимофеев Г.А., Орлинская О.М. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // *Власть*. 2017. Т. 25. № 2. С. 69–74.

13. Урсул А.Д. Безопасность и развитие: междисциплинарный подход и глобальное измерение // *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 3. С. 141–160.

14. Худайкулова А.В. Human security в политическом дискурсе и международной практике // *Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара* / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. Доступ: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (дата обращения: 23.09.2018).

15. Юдин Н.В. Расширение проблематики исследований безопасности // *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 1. С. 60–78.

16. Юдин Н.В. Связка «безопасность–развитие»: проблемы и перспективы инструментализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 9. С. 16–23.

17. Abbott Ch., Rogers P., Sloboda J. *Global responses to global threats. Sustainable security for the 21st century*. Oxford: Oxford Research Group, 2006.

18. Biswas A., Tortajada C. *Water security, climate change, and sustainable development*. New York: Springer, 2016.

19. Buzan B. *People, states, & fear: The national security problem in international relations*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983.

20. Buzan B., Weaver O., Wilde J. de. *Security: A new framework for analysis*. Boulder; London: Lynne Rienner, 1998.

21. *Climate change and food security: Adapting agriculture to a warmer world* / Ed. by D.B. Lobell, M. Burke. Stanford: Stanford University, 2009.

22. Dalby S. *Security and environmental change*. Cambridge, UK: Polity Press, 2009.

23. Khagram S., Clark W.C., Firas Raad D. From the environmental and human security to sustainable security and development // *Journal of Human Development*. 2003. Vol. 4. No. 2. P. 289–313.

24. Krause K. *Towards a practical human security agenda*. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, Policy Paper No. 26. 2007. Available at: <https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/PP26.pdf> (accessed: 21.10.2018).

25. Lama M.P. Human vs. national security // *Global-E. 21st Century Global Dynamics*. 17.04.2018. Vol. 11. Iss. 22. Available at: <http://www.21global.ucsb.edu/global-e/april-2018/human-vs-national-security> (accessed: 21.10.2018).

26. Leese M., Meisch S. *Securitizing sustainability? Questioning the 'Water, energy, and food-security nexus'* // *Water Alternatives*. 2015. Vol. 8. No. 11. P. 695–709.

27. Matthew R., Harron C., Goodrich K. *The social ecology of the anthropocene: Continuity and change in global environmental politics. The WSPC reference on natural resources and environmental policy in the era of global change*. New Jersey; London; Singapore; Beijing; Shanghai; Hong Kong; Taipei; Chennai; Tokyo: World Scientific Publishing, 2017.

28. McDonald M. *Ecological security* // *Global policy*. 07.03.2016. Available at: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/07/03/2016/ecological-security> (accessed: 23.10.2018).

29. Mr. Y. *A national strategic narrative*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2011.

30. Mustafa D., Akhter M., Nasrallah N. Understanding Pakistan's water-security nexus. Washington, D.C.: Washington Institute of Peace, 2013. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/PW88_Understanding-Pakistan%27s-Water-Security-Nexus.pdf (accessed: 20.10.2018).

31. Mykleby M., Doherty P., Makower J. The new grand strategy: Restoring America's prosperity, security, and sustainability in the 21st century. New York: St. Martin Press, 2016.

32. Picard L., Buss T., Seybolt T., Lelei M. Sustainable development and human security in Africa: Governance as the missing link. Boca Raton: CRC Press, 2015.

33. Reid J. Interrogating the neoliberal biopolitics of the sustainable-development-resilience nexus // *International Political Sociology*. 2013. Vol. 7. No. 4. P. 353–367.

34. Rogers P. Losing control: Global security in the 21st century. London; New York: Pluto Press, 2010.

35. Selby J., Hoffmann C. Rethinking climate change, conflict, and security // *Geopolitics*. 2014. Vol. 19. No. 4. P. 747–756.

36. Smith G. In search of sustainable security. Linking national security, human security, and collective security to protect America and our world // *Center for American Progress*. 19.06.2008. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2008/06/19/4550/in-search-of-sustainable-security/> (accessed: 16.11.2018).

37. Suri J., Valentino B. Sustainable security. Rethinking American national security strategy. New York: Oxford University Press, 2016.

38. Weiss T.G. The sunset of humanitarian intervention? The responsibility to protect in a unipolar era // *Security Dialogue*. 2004. Vol. 35. No. 2. P. 135–153.

E.N. Glazunova

ON THE GENESIS OF THE 'SUSTAINABLE SECURITY' CONCEPT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Contemporary specialist in development studies use a variety of similar terms often incoherently. In particular, this observation applies to the concept of 'security'. While the term 'sustainable development' is now firmly established in theory and policy, the 'security' concept remains essentially contested. In the relevant literature 'sustainable development' may be linked to 'environmental security', 'human security' or 'sustainable security'. Acknowledging the existence of an inextricable 'security — development nexus', the author traces the modifications of its first element. Examination of the concepts used in an academic discourse over the last three decades — since the emergence of 'sustainable development' paradigm allows to reconstruct the genesis of 'sustainable security', one of the most recent entries to international development lexicon. This paper demonstrates that initially, when 'sustainable development' concept had just emerged, the nexus was seen as a dyad 'sustainable development — environmental safety'. At the very

end of the 20th century, scholars came up with a new modification of the nexus — ‘human security — sustainable development’. However, the process of its conceptualization was disrupted by the so-called ‘securitization of development’. The international development community’s responded to this disruption with a ‘sustainable security’ concept. Describing the key parameters of ‘sustainable security’, the author emphasizes that a unified and holistic approach to its conceptualization is yet to be formed in the Western development community.

Keywords: sustainable development, sustainable security, security–development nexus, securitization of development, environmental security, human security, climate change, natural resources, inequality, poverty, globalization, violence, conflicts.

About the author: *Elena N. Glazunova* — PhD (History), Leading Research Fellow, Deputy Director of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elenanglazunova@mail.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project № 15-18-30066.

REFERENCES

1. Astashin V. 2008. Al’ternativnyye podkhody k problemam bezopasnosti v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: kontseptsiya chelovecheskoy bezopasnosti [Alternate ways to security problems in international researches: The concept of human security]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 63–69. (In Russ.)
2. Baluev D. 2003. Ponyatiye human security v sovremennoi politologii [The notion of human security in contemporary political science]. *International Trends*, vol. 1, no. 1, pp. 95–105. (In Russ.)
3. Bartenev V.I. 2017. Ot ‘nesostoyavshikhsya gosudarstv’ k ‘neustoychivym sostoyaniyam’: logika ponyatiynoy ekvilibristiki [From ‘failed states’ to ‘states of fragility’: Logic of conceptual acrobatics]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 26–41. (In Russ.)
4. Bartenev V.I. 2015. Svyazka ‘bezopasnost’–razvitiye’ v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh: ot dekonstruktsii k kontseptualizatsii [Security–development nexus in Western bibliography: From deconstruction to contextualization]. *International Trends*, vol. 13, no. 3, pp. 78–97. (In Russ.)
5. Bartenev V. 2011. Sek’yuritizatsiya sfery sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa [Securitization of international development aid: Political discourse analysis]. *International Organizations Research Journal*, no. 3, pp. 37–50. (In Russ.)
6. Biktimirova Z.Z. 2002. Bezopasnost’ v kontseptsii razvitiya cheloveka [Security in the on human development discourse]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*, no. 6, pp. 135–142. (In Russ.)
7. Zadokhin A.G. 2010. Chelovecheskaya bezopasnost’ kak sostavlyayushchaya strategii ustoychivogo razvitiya [Human security as a part of sustainable development strategy]. In Tsygankov P.A. (ed.). *Bezopasnost’ cheloveka v kontekste mezhdunarodnoy politiki: voprosy teorii i praktiki* [Human security in the context of international

politics: Theory and practice]. Moscow, Moscow University Press. Available at: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (accessed: 23.09.2018). (In Russ.)

8. Kapitsa L. 2013. Chelovecheskaya bezopasnost' [Human security]. *ResearchGate*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/249771346_Celoveceskaa_bezopasnost_-stata_PDF (accessed: 23.09.2018). (In Russ.)

9. Kochetkov V.V., Pak E.V. 2010. Chelovecheskaya bezopasnost' v kontekste defitsita vodnykh resursov [Human security in the context of water scarcity]. In Tsygankov P.A. (ed.). *Bezopasnost' cheloveka v kontekste mezhdunarodnoy politiki: voprosy teorii i praktiki* [Human security in the context of international politics: Theory and practice]. Moscow, Moscow University Press. Available at: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (accessed: 23.09.2018). (In Russ.)

10. Roshchina I.V., Dyatlova N.A., Roshchina G.S. 2012. Ustoychivoye razvitiye i ustoychivaya bezopasnost' monopofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniy [Sustainable development and sustainable security of mainstays municipalities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 54–63. (In Russ.)

11. Ryzhov I.V., Zolina D.M. 2010. Chelovecheskaya bezopasnost' v svete soper-nichestva mezhdunarodnykh gosudarstvami Blizhnego Vostoka za vodnyye resursy [Human security in the light of the competition over water resources between the states of the Middle East]. In Tsygankov P.A. (ed.). *Bezopasnost' cheloveka v kontekste mezhdunarodnoy politiki: voprosy teorii i praktiki* [Human security in the context of international politics: Theory and practice]. Moscow, Moscow University Press. Available at: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (accessed: 23.09.2018). (In Russ.)

12. Timofeyev G.A., Orlinskaya O.M. 2017. Ekologicheskaya bezopasnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Ecological safety in the system of national security of the Russian Federation]. *Vlast'*, vol. 25, no. 2, pp. 69–74. (In Russ.)

13. Ursul A.D. 2017. Bezopasnost' i razvitiye: mezhdistsiplinarniy podkhod i global'noye izmereniye [Security and development: Interdisciplinary approach and global dimension]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 3, pp. 141–160. (In Russ.)

14. Khudaykulova A.V. 2010. Human security v politicheskom diskurse i mezhdunarodnoi praktike [Human security in political discourse and international practice]. In Tsygankov P.A. (ed.). *Bezopasnost' cheloveka v kontekste mezhdunarodnoy politiki: voprosy teorii i praktiki* [Human security in the context of international politics: Theory and practice]. Moscow, Moscow University Press. Available at: <http://textarchive.ru/c-2775407.html> (accessed: 23.09.2018). (In Russ.)

15. Yudin N.V. 2017a. Rasshirenie problematiki issledovaniy bezopasnosti [Widening the debate on security]. *International Trends*, vol. 15, no. 1, pp. 60–78. (In Russ.)

16. Yudin N.V. 2017b. Svyazka 'bezopasnost'—razvitiye': problemy i perspektivy instrumentalizatsii [Security-development nexus: Problems and prospects of instrumentalization]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 9, pp. 16–23. (In Russ.)

17. Abbott Ch., Rogers P., Sloboda J. 2006. *Global responses to global threats. Sustainable security for the 21st century*. Oxford, Oxford Research Group.

18. Biswas A., Tortajada C. 2016. *Water security, climate change, and sustainable development*. New York, Springer.

19. Buzan B. 1983. *People, states, & fear: The national security problem in international relations*. Chapel Hill, University of North Carolina Press.

20. Buzan B., Weaver O., Wilde J. de. 1998. *Security: A new framework for analysis*. Boulder, London, Lynne Rienner.

21. Lobell D.B., Burke M. (eds.). 2009. *Climate change and food security: Adapting agriculture to a warmer world*. Stanford, Stanford University.
22. Dalby S. *Security and environmental change*. 2009. Cambridge, UK, Polity Press.
23. Khagram S., Clark W.C., Firas Raad D. 2003. From the environmental and human security to sustainable security and development. *Journal of Human Development*, vol. 4, no. 2, pp. 289–313.
24. Krause K. 2007. *Towards a practical human security agenda*. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, Policy Paper No. 26. Available at: <https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/PP26.pdf> (accessed: 21.10.2018).
25. Lama M.P. 2018. Human vs. national security. *Global-E. 21st Century Global Dynamics*, vol. 11, iss. 22. Available at: <http://www.21global.ucsb.edu/global-e/april-2018/human-vs-national-security> (accessed: 21.10.2018).
26. Leese M., Meisch S. 2015. Securitizing sustainability? Questioning the ‘Water, energy, and food-security nexus’. *Water Alternatives*, vol. 8, no. 11, pp. 695–709.
27. Matthew R., Harron C., Goodrich K. 2017. *The social ecology of the anthropocene: Continuity and change in global environmental politics. The WSPC reference on natural resources and environmental policy in the era of global change*. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo, World Scientific Publishing.
28. McDonald M. 2016. Ecological security. *Global policy*. Available at: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/07/03/2016/ecological-security> (accessed: 23.10.2018).
29. Mr. Y. 2011. *A national strategic narrative*. Washington, D.C., Woodrow Wilson International Center for Scholars.
30. Mustafa D., Akhter M., Nasrallah N. 2013. *Understanding Pakistan’s water-security nexus*. Washington, D.C., Washington Institute of Peace. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/PW88_Understanding-Pakistan%27s-Water-Security-Nexus.pdf (accessed: 20.10.2018).
31. Mykleby M., Doherty P., Makower J. 2016. *The new grand strategy: Restoring America’s prosperity, security, and sustainability in the 21st century*. New York, St. Martin Press.
32. Picard L., Buss T., Seybolt T., Lelei M. 2015. *Sustainable development and human security in Africa: Governance as the missing link*. Boca Raton, CRC Press.
33. Reid J. 2013. Interrogating the neoliberal biopolitics of the sustainable-development-resilience nexus. *International Political Sociology*, vol. 7, no. 4, pp. 353–367.
34. Rogers P. 2010. *Losing control: Global security in the 21st century*. London, New York, Pluto Press.
35. Selby J., Hoffmann C. 2014. Rethinking climate change, conflict, and security. *Geopolitics*, vol. 19, no. 4, pp. 747–756.
36. Smith G. 2008. *In search of sustainable security. Linking national security, human security, and collective security to protect America and our world*. Center for American Progress. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2008/06/19/4550/in-search-of-sustainable-security/> (accessed: 16.11.2018).
37. Suri J., Valentino B. 2016. *Sustainable security. Rethinking American national security strategy*. New York, Oxford University Press.
38. Weiss T.G. 2004. The sunset of humanitarian intervention? The responsibility to protect in a unipolar era. *Security Dialogue*, vol. 35, no. 2, pp. 135–153.